

Г. Н. Лейхтенбергский

**Воспоминания об Украине
1917-1918**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
Г11

Г11 **Г. Н. Лейхтенбергский**
Воспоминания об Украине: 1917-1918 / Г. Н. Лейхтенбергский – М.: Книга по Требованию, 2015. – 52 с.

ISBN 978-5-458-40411-2

Эта брошюра была опубликована автором в Швейцарии в 1919 г. Опубликование её было вызвано тем обстоятельством, что в то время ни во французской, ни в швейцарской печати нельзя было поместить ни единой статьи, направленной против «самостийной Украины». И замечательно, что уже два дня спустя после выхода, книжка бесследно исчезла с выставок магазинов и киосков книгопродавцов в Швейцарии. Не лучше обстояло дело с её распространением и во Франции. Это доказывает, что кому-то такие книжки мешают и кто-то съорганизовался достаточно сильно, чтобы мешать в чьих-то таинственных интересах торжеству истины.

ISBN 978-5-458-40411-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Чтобы читатели мои знали, кто я, чтобы не сочли они меня за русскаго медвѣдя, ограниченнаго и ретрограднаго. чтобы они убѣдились въ томъ, что я близко знакомъ съ культурой различныхъ европейскихъ странъ, что я имѣю право смотрѣть на себя, какъ на человѣка, доступнаго цивилизаціи и настолько безпартийнаго и объективнаго въ вопросахъ политическихъ и социальныхъ, насколько только это человѣку возможно, не теряя, однако, сознанія своей національности, — я долженъ прежде всего сказать нѣсколько словъ о самомъ себѣ.

Я родился въ Римѣ отъ русскихъ родителей и послѣ я не разъ посѣщалъ этотъ городъ и вообще Италію. Воспитанъ я былъ дома швейцарцемъ-кальвинистомъ, а образованіе получилъ во Франціи на французскомъ языкѣ. Но роднымъ языкомъ моей семьи былъ русскій, такъ же какъ и характеръ всей ея жизни. Мои дѣтскіе и юные годы протекали то въ южной Германіи, гдѣ у насъ были нашъ деревенскій *home*, то во Франціи.

Пребываніе въ Россіи было для моихъ родителей трудно по причинамъ отъ ихъ воли независающимъ и я не могъ поѣхать туда до самой ихъ смерти, которая наступила, когда мнѣ исполнилось 18 лѣтъ. Но и на чужбинѣ они оставались русскими душой и умомъ, а для насъ, дѣтей, Россія представлялась всегда страной обѣтованной.

Прибывъ на Родину, я скоро поступилъ офицеромъ въ одинъ изъ полковъ Императорской гвардіи. Послѣ русско-японской войны и революціи 1905—1906 г. г. я вышелъ по болѣзни въ отставку и большую часть года

проводилъ въ южной Германіи, въ нашемъ старинномъ *hote*, гдѣ я сталъ заниматься науками историческими и военными, не теряя однако связи съ Россіей, которую я научился любить сознательно, не скрывая въ то же время отъ себя ея недостатковъ.

Если я люблю исторію, то никогда у меня не было ни вкуса, ни способностей къ политикѣ и я никогда не былъ членомъ какой бы то ни было политической партіи. Но обстоятельства заставили меня быть свидѣтелемъ большихъ политическихъ событій на «Украинѣ» въ 1917—1918 г. и я, какъ историкъ и какъ патріотъ, считаю своимъ долгомъ обрисовать здѣсь вкратцѣ то, что я видѣлъ, чтобы помочь этимъ общественному мнѣнію узнать истину.

Чтобы не оставлять никакихъ сомнѣній относительно моихъ политическихъ убѣжденій, я долженъ прибавить, что я рѣшительно ничего не имѣю противъ республиканскаго режима, прекрасное функціонированіе котораго я видѣлъ во Франціи, въ Швейцаріи, но я глубоко убѣжденъ, что для Россіи единственная мыслимая форма правленія это монархія — если хотите, конституціонная. Республика для русскаго народа является теперь и долгое время будетъ потому синонимомъ анархіи и большевики, уничтоживъ слабую буржуазію и старое земельное дворянство, еще болѣе сдѣлали Россію царствомъ мужиковъ, которое еще менѣе будетъ способно эволюционировать къ благоустроенному демократическому режиму, чѣмъ даже Россія царей.

А теперь я перехожу къ моему разсказу.

* * *

Война 1914 г. захватила меня съ семьей въ южной Германіи, гдѣ я проводилъ лѣтніе мѣсяцы. Я долженъ сказать здѣсь, что ни одно изъ предупрежденій, которыя отправлены были мнѣ изъ Россіи разными лицами за 10 — 15 дней до объявленія войны, до меня не дошло, что доказываетъ, что тайная цензура въ Германіи тогда уже существовала.

Спустя нѣсколько дней послѣ объявленія войны германское правительство потребовало, хотя и въ очень корректной формѣ, чтобы я оставилъ страну. Я переѣхалъ въ Швейцарію, откуда чрезъ Бриндизи, Салоники, Нишъ, Софію и Букарестъ я пробрался въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Кіевъ. Тамъ я очутился въ атмосферѣ самага отчаяннаго шовинизма: даже самые близкіе родственники мои готовы были смотрѣть на меня, какъ на дезертира, только потому, что я не тотчасъ же прибѣжалъ подъ знамена, не бросилъ мою семью за-границей на произволъ судьбы; они не обращали никакого вниманія на то, что формально я не могъ уже быть призванъ въ ряды арміи, что я такимъ образомъ юридически уже не былъ обязанъ явиться на призывъ, что во всякомъ случаѣ я могъ сперва кое-какъ устроить судьбу моихъ близкихъ. Правда, всѣ они думали, что ихъ предупрежденія дошли до меня въ свое время — тутъ я и могъ убѣдиться въ ловкости германской развѣдки, которая предупрежденія эти задержала. И этотъ взрывъ духа шовинизма — иначе я не могу назвать это, — который проявился въ это время въ Россіи, какъ и во всѣхъ остальныхъ воюющихъ странахъ, побуждаетъ меня сдѣлать нижеслѣдующія размышленія. Многіе хотятъ возложить и возлагаютъ отвѣтственность за эту міровую войну на отдѣльныхъ лицъ или на группы лицъ, — недавно подписанный Версальскій мирный договоръ подчеркиваетъ эти стремленія. Это представляется мнѣ весьма поверхностнымъ: факты доказали, что вовлеченные въ войну народы пошли въ бой всей душой, со всѣмъ свойственнымъ имъ патріотизмомъ, и если въ Германіи два поколѣнія людей были воспитаны въ духѣ милитаризма и въ сознаніи, что «Германія — превыше всего», культурные русскіе классы были пропитаны идеей панславизма, а французская молодежь духомъ реванша. Поэтому мнѣ кажется нелѣпымъ обвинять въ этихъ событіяхъ отдѣльныя лица, ибо событія эти являются въ концѣ концовъ результатомъ историческаго развитія народовъ и ихъ географическаго положенія. Въ теченіе сорока лѣтъ вся Европа готовилась къ этой войнѣ, которую она считала неизбежною. Пусть въ порожденіи милитариз-

ма обвиняють Германію, — согласенъ, пусть хотятъ наказать за это германскій народъ, — согласенъ, но искать отдѣльныхъ виновниковъ это прилично только темной толпѣ, которая всегда ищетъ козла отпущенія. «Владыки міра», по моему скромному убѣжденію, должны были бы быть выше этой мелочности.... ни въ малѣйшей степени не «демократичной»...

Съ тѣхъ поръ, какъ арміи превратились въ вооруженные народы, «войны кабинетовъ», какъ въ XVIII в., прекратились и никакъ нельзя дѣлать отвѣственнымъ главу государства за войну, вотиванную представителями народа и ведомую этимъ самымъ народомъ со всѣмъ патріотизмомъ, на который онъ только способенъ. На эту войну народы пошли во имя возвышенныхъ идей патріотизма, справедливости, славы, чествованія и многого другого. Изъ этой войны, по мнѣнію социалистовъ, должна была родиться Лига Націй и торжество социалистическихъ благъ на землѣ. Не будучи социалистомъ, я, какъ добрый христіанинъ, понимаю теоретическія построенія социалистовъ и отъ всего моего сердца желаю, чтобы Лига Націй стала реальностью и дала бы людямъ миръ и счастье. Я охотно сталъ бы даже большевикомъ, если бы я былъ убѣжденъ, что большевизмъ дастъ это счастье людямъ. Если бы я не видѣлъ, что онъ влечетъ за собой разрушеніе цивилизации, а въ послѣдствіи, если бы ему удалось восторжествовать, и полное одичаніе.

Для того, чтобы осуществить идеи социализма и большевизма на практикѣ, нужно, чтобы всѣ люди стали святыми или, по меньшей мѣрѣ, агницами. А такъ какъ, увы, люди не ангелы, всѣ цѣли войны въ дѣйствительности сводятся къ ограбленію подъ всевозможными предлогами богатствъ своего противника силою оружія, хотя грабители и драпируются для галерки — это дѣло прессы, — въ орелъ красивыхъ фразъ и гуманныхъ теорій, которыя повседневной дѣйствительностью опрокидываются то и дѣло. Я понимаю, что это необходимо для дѣлательной политики, чтобы привлечь на свою сторону то, что называется «общественнымъ мнѣніемъ», но въ то время, какъ эти политиканы «дѣлають исторію»,

финансисты, промышленники и авантюристы всякаго сорта, дѣлають «жизнь» и свои маленькія — или даже очень большія — дѣлишки, которыя называются «интересами экономическими, политическими и національными» народовъ. Лица, участвующія во всемъ этомъ, могутъ въ это вѣрить, если хотятъ и имѣють возможность, но независимый и безпартійный историкъ не долженъ давать вводить себя въ заблужденіе.

Отмѣтивъ это, перейду теперь къ моему разсказу.

Мартовская революція 1917 г. и отреченіе Государя захватили меня въ Кіевѣ, куда я былъ посланъ съ особымъ порученіемъ генераломъ Брусиловымъ, при штабѣ котораго я состоялъ. Въ Кіевѣ переворотъ прошелъ безъ всякихъ эксцессовъ. Безполезно отрицать: въ первый моментъ революція была принята всѣми классами общества съ полнымъ спокойствіемъ, если даже не со всеобщей радостью; всѣ вѣрили и надѣялись, что и при Дворѣ, и въ правительствѣ она произведетъ измѣненія въ положеніи вещей, которое было нестерпимо, и сдѣлаетъ возможной побѣду надъ австро-германцами. Никогда еще армія русская не была такъ сильна и такъ хорошо снаряжена, какъ теперь, и союзные штабы пришли, наконецъ, къ соглашенію для общаго и согласованнаго наступленія на всѣхъ фронтахъ, которое должно было начаться весной. Конечный успѣхъ былъ въ данномъ случаѣ вполне обезпеченъ. И именно это обстоятельство и заставило враговъ Россіи удвоить ихъ усилія.

Въ Россіи надѣялись, что конституція, дарованная Государемъ, сорганизируетъ либеральные круги общества и парализуетъ усилія круговъ слишкомъ революціонно настроенныхъ. Но когда, вслѣдъ за отреченіемъ Государя, была объявлена республика, то подчинились и ей, чтобы не подвергать опасности въ партійныхъ спорахъ и раздорахъ успѣхъ общаго наступленія и конечную побѣду надъ общимъ врагомъ.

Временное правительство было такимъ образомъ принято всѣми и, если русская революція въ томъ періодѣ ея такъ хвалилась своей безкровностью, то заслугу эту надо приписать всему населенію, которое на этотъ

разъ показало себя разумнымъ и патріотичнымъ безъ различія классовъ и національности. Но увы, это прекрасное начало длилось только очень короткое время...

Элементы интернаціональные и пасифистскіе, которые вошли въ правительство, тотчасъ же взялись за распространеніе своихъ идей въ арміи и за работу надъ ся разложеніемъ. Приказъ № 1, выпущенный безъ вѣдома правительства евреемъ Соколовымъ, однимъ ударомъ разрушилъ всю дисциплину, и безъ того достаточно ослабленную, а въ особенности въ частяхъ резерва. Ни престижъ Керенскаго — очень раздутый, но подлинный, — ни его рѣчи не смогли наэлектризовать арміи, пораженной такимъ образомъ въ наиболѣе жизненныхъ частяхъ ея, и не могли придать достаточно силы іюньскому наступленію генерала Брусилова. Пслѣ нѣсколькихъ красивыхъ усилій и серьезныхъ успѣховъ, войска начали митинговать и надо было сперва остановиться, а потомъ и отступать. Наконецъ, въ октябрѣ — ноябрѣ 1917 г. большевики опрокинули Керенскаго и захватили власть, объявивъ республику совѣтовъ.*)

Эти новые благодѣтели человѣчества начали съ исполненія своего обѣщанія мира, подписавъ мирный договоръ въ Брестъ-Литовскѣ, договоръ, которымъ старая Русская Имперія, во имя принципа самоопредѣленія народовъ, столь восхваленнаго мистеромъ Вильсономъ и всякими демократіями, расчленилась на пользу ея враговъ.

Всѣ думающіе и чувствующіе русскіе люди содрогнулись при этомъ извѣстіи. Солдатскія, а такъ же рабочія и крестьянскія массы, усталыя и огрубѣвшія въ теченіе войны, развращаемыя рѣчами революціонныхъ

*) Совѣты рабочихъ, крестьянскихъ и солдатскихъ депутатовъ считались выборными органами. На самомъ же дѣлѣ члены этихъ совѣтовъ заранѣе намѣчались тайными революціонными комитетами, состоящими главнымъ образомъ изъ евреевъ и преступныхъ элементовъ; выскочивъ изъ ничтожества, они заставляли утверждать себя своими такъ называемыми избирателями. Такимъ образомъ всѣ эти выборы были простой комедіей, а часто обходились даже и совсѣмъ безъ нея.

агитаторовъ въ теченіе цѣлаго года, приняли этотъ миръ съ радостью, такъ какъ онъ не только давалъ имъ возможность возвратиться по домамъ, но и захватить съ собой, вопреки закону, ружья, ручныя гранаты, пулеметы, а иногда даже и пушки, — необходимыя имъ для того, чтобы захватить земли помѣщиковъ и деньги «буржуазовъ».

Я пишу не исторію русской революціи, — я только рассказываю о томъ, что я видѣлъ самъ, что я слышалъ отъ людей, которымъ довѣряю. Освобожденный или, точнѣе, изгнанный съ военной службы г. Гучковымъ, тогда военнымъ министромъ, вѣроятно, за свое аристократическое происхожденіе, — мнѣ такъ и не удалось выяснить этого обстоятельства до конца, — я долженъ былъ покинуть штабъ генерала Брусилова и, къ счастью, не принималъ поэтому никакого участія въ демобилизації или, точнѣе, въ разложеніи юго-западныхъ армій.

Армія эта демобилизовалась сама, т. е. въ большинствѣ случаевъ всякій ушелъ изъ своего полка, когда онъ хотѣлъ и какъ только онъ могъ. Это былъ настоящий потопъ изъ многихъ милліоновъ людей, который вдругъ залилъ тылы арміи, захватывая и разрушая желѣзные дороги, уничтожая на своемъ пути все: продовольственные склады, культурныя имѣнія, водочные заводы, сахарные заводы, — все горѣло и гибло...

Среди безформенныхъ бѣгущихъ массъ этихъ остались, однако, нѣкоторыя части войскъ, организованныя и дисциплинированныя, которымъ и удавалось иногда — часто съ помощью пулеметовъ, — возстановить нѣкоторый порядокъ среди этихъ массъ, ошалѣвшихъ отъ водки, взятой на ими же разрушенныхъ заводахъ, и въ состояніи полного ослѣпленія убивавшихъ одни другихъ. Нѣкоторые полки гвардіи и большая часть кавалерійскихъ полковъ дѣлали все возможное, чтобы поддерживать нѣкоторый порядокъ, и прибыли въ полномъ порядкѣ и гордые имъ къ мѣсту назначенія, гдѣ они и были демобилизованы законно.

Въ это время, благодаря брестлитовскому миру, родилось желанное дитя австро-германцевъ, независимая

Украина и въ государствѣ Россійскомъ. въ русскомъ народѣ произошло это ужасающее раздѣленіе.

Совершенно бесполезно отыскивать источники этого «государства-сюрприза» въ чувствахъ малорусскаго народа: это государство, рожденное въ Брестѣ, зародилось въ Австріи, выношено было въ Галицію, такъ какъ завѣтной мечтой австро-германцевъ было получить въ случаѣ побѣды всю Южную Россію, до Кавказа, чтобы сдѣлать изъ нея германскую колонію.

Съ давняго времени уже эта страна была колонизована нѣмецкими крѣстьянами. Волынь, берега Чернаго моря, сѣверный Крымъ. — всюду появились многочисленные поселенія съ нѣмецкимъ населеніемъ и съ нѣмецкими именами. Населеніе ихъ не ассимилировалось съ русскимъ населеніемъ, но достигло большой зажиточности. Эти колоніи, такъ восхваляемая даже самимъ русскимъ правительствомъ нѣкогда, не были ни достаточно многочисленны, ни достаточно значительны, чтобы служить достаточнымъ предлогомъ австро-германцамъ для аннексіи страны въ случаѣ ихъ побѣды. Для политической галерки нужно было что-нибудь болѣе серьезное. И такимъ образомъ былъ созданъ, изобрѣтенъ украинскій сепаратизмъ. Для начала было объявлено, что малороссы это не русскій народъ, а руссины, какъ въ Галиціи. Затѣмъ, когда политическое положеніе породило въ Австро-Венгріи мечту о созданіи великаго славянскаго государства подъ ея эгидой, было найдено болѣе выгоднымъ утверждать, что галичане и малороссы это одинъ и тотъ же народъ, «украинцы». И чтобы доказать это, создали даже «украинскій» языкъ. — это поручено было профессору львовскаго университета г. Грушевскому, родомъ галичанину. Вы смѣетесь?.. Однако, это такъ и было...

Народъ въ Галиціи говоритъ на одномъ русскомъ нарѣчій, народъ малорусскій — на другомъ, болѣе близкомъ къ русскому языку. Г. Грушевскій для того, чтобы создать общій имъ языкъ, взялъ галиціискій алфавитъ, убавилъ въ немъ три буквы, прибавилъ двѣ буквы новыхъ, влплт. въ языкъ нѣсколько словъ корня польскаго, нѣмецкаго и латинскаго и языкъ «украин-

скій» былъ готовъ, — офиціальныи языкъ украинофильской пропаганды, происхожденія австрійскаго или германскаго, не знаю, такъ какъ неизвѣстно, какой изъ этихъ двухъ народовъ наиболѣе содѣйствовалъ этому.

Народъ Малороссіи говоритъ на нарѣчій, которое легко понимается всякимъ культурнымъ русскимъ человекомъ и которое нисколько не мѣшаетъ полтавскому крестьянину сговориться съ крестьяниномъ новгородскимъ или московскимъ. На этомъ языкѣ писалъ малороссійскій поэтъ Шевченко, который жилъ въ прошломъ вѣкѣ и писанія котораго считались революционными и запрещались тогдашнимъ русскимъ правительствомъ. Величайшій малороссійскій писатель Гоголь писалъ по-русски, ибо въ его время литературнымъ языкомъ для всей Россіи былъ языкъ великорусскій. Но для украинофиловъ тѣ затрудненія, которыя дѣлало правительство въ опубликованіи книгъ на малорусскомъ нарѣчій, сдѣлались «нестерпимымъ угнетаніемъ московскимъ», котораго однако не замѣчали нисколько ни народъ малороссійскій, ни все остальное населеніе великой Имперіи.

Можно было думать, что было бы для украинофиловъ логично пользоваться этимъ ихъ языкомъ для ихъ пропаганды. Нѣтъ, языкомъ украинца Грушевскаго воспользовались, чтобы доказать тождественность народа галиційскаго и народа малорусскаго или «украинскаго». Это было справедливо, ибо это дѣйствительно одинъ и тотъ же народъ. Тутъ произошло только одно странное явленіе: образованный русскій человекъ, преодолевъ съ нѣкоторымъ трудомъ 2—3 писанныхъ страницы на «украинской мови», начинаетъ постепенно понимать его; народъ галиційскій понимаетъ, можетъ быть, немножко въ разговорѣ эту «украинскую мову», точно я этого не знаю, но знаю совершенно навѣрное, что крестьянинъ черниговскій или полтавскій совершенно не понимаетъ этотъ «классическій» украинскій языкъ, эту абракадабру, на которой было отпечатана цѣлая масса книгъ и брошюръ, понятныхъ только спеціалистамъ, да и то не всегда.... Но и языкъ національный украинскій. и украинскій націонализмъ были

официально созданы и должны были распространиться по всей южной Россіи, чтобы потомъ, послѣ пораженія Россіи, перевести ее подъ скипетръ Габсбурговъ. Въ ожиданіи этого, благо къ тому представился удобный случай въ Брестъ-Литовскѣ, удовольствовались меньшимъ: независимой и суверенной Украиной.

Дѣйствительно, когда, подъ вліяніемъ революціонной интернаціоналистской пропаганды, Россійская Имперія начала разваливаться и составныя части ея начали предъявлять свои отдѣльныя національныя требованія, группа «украинцевъ» галиційскаго происхожденія и три австрійскихъ агента, опираясь на обработанныхъ ими социалистовъ-революціонеровъ украинцевъ, превозгласили себя въ Кіевѣ единственными полномочными представителями «Великой Украины». Образовавъ изъ себя произвольно такъ называемую «Центральную Раду», они поѣхали въ Брестъ, торжественно превозгласили тамъ право самоопредѣленія народа «украинскаго», отдѣленіе его отъ Россіи, его независимость и суверенныя права, съ благосклоннаго согласія австро-германцевъ, и заключили съ ними сепаратный мирный договоръ, создавъ такимъ образомъ новое государство размѣровъ совершенно неизвѣстныхъ и очень туманныхъ.

Совѣтскіе большевики, признавшіе право самоопредѣленія народовъ, попались въ ловушку и не могли протестовать. Дѣло могло обернуться для «украинцевъ» довольно недурно, если бы аппетиты ихъ — возбужденные Австріей, — не были бы слишкомъ велики, если не захотѣли бы они включить въ свое новое государство не только области со смѣшаннымъ населеніемъ, «украинство» которыхъ было сомнительно, но даже и области совершенно уже не «украинскія», ни даже малорусскія, какъ напримѣръ Бессарабія или Крымъ. Когда стали опредѣлять границы украинско-русскія, стороны никакъ не могли придти къ соглашенію и отсюда послѣдовала между украинцами и московскими большевиками война, иногда глухая, а иногда и открытая.

Правда, военный министръ временнаго правительства Россіи первый создалъ первые элементы «Украин-